

Голос Цзян Шулу нельзя было назвать низким — он был скорее звонким, даже немного прохладным.

В первые дни после дебюта группы многие отмечали, что голоса Цзян Шулу и Тан Юя на слух кажутся похожими.

Особенно в тех песнях, где вокал разделялся на левую и правую дорожки — с первого раза легко было подумать, что это поёт один человек.

Но уже при втором прослушивании различия становились очевидны.

Голос Тан Юя был воздушным, как он сам — будто снежинка, которая тает, едва коснувшись ладони.

А голос Цзян Шулу, как и его натура, нес в себе благородную сдержанность. Он был мягким, но в нём чувствовалась чёткая граница — трудно было представить, что этот человек способен на предвзятость. Он всегда заботился о коллегах, был старшим в группе и обычно лишь с улыбкой наблюдал, как трое других весело шумят.

С детства воспитанный как наследник, Цзян Шулу невольно излучал ауру лидера. Но его лёгкая улыбка никогда не казалась женственной — наоборот, она идеально соответствовала образу «золотого мальчика» из старинной аристократической семьи.

Сейчас он спросил тихо, почти шёпотом, и, несмотря на то что держал ребёнка несколько неуклюже, делал это с такой нежностью, что резко контрастировал со своей обычной харизмой. Это противоречие было до боли притягательным — фанаты сбоку чуть не сорвали голоса от восторга.

А уж что творилось в чате — и говорить не приходится.

«Он уже спрашивает?! Прямо здесь?!»

«Ха-ха, Цзян Шулу, хоть ты и капитан, но тоже в неведении, как и мы!»

«Зато приятно, что Тан Юй действительно никого не признаёт — ни родных, ни близких!»

«Умру от нетерпения! Кто же эта женщина?!»

Тан Мян, сидя на руках у Цзян Шулу, машинально обернулся на Тан Юя, который шёл позади, опустив голову.

И в тот же миг Тан Юй резко поднял глаза — реакция на вопрос была мгновенной.

Камера поймала момент, когда отец и сын переглянулись.

Тан Юй энергично замотал головой.

Тан Мянью — кивнул.

«Они уже договорились без слов!»

«Тан Юй, тебе сколько лет? Совсем не выглядишь как отец!»

«Мне так грустно... Мне столько же, сколько Тан Юю, а я до сих пор одинок, а он уже папа! Спасите!»

«Наверное, она красавица...»

«Не иначе как Тан Юя бросили после родов — типа “берем двойню, но нам нужна только девочка”, а мальчика оставили ему...»

«Что он вообще пережил за эти годы?..»

— У меня нет мамы, — сказал Тан Мянью.

Его голос, ещё недавно звеневший радостью, теперь звучал глухо, приглушённо — прямо в ухо Цзян Шулу.

Цзян Шулу, конечно, не стал настаивать: ребёнку всего пять лет.

Он мягко сменил тему:

— Ты обычно живёшь только с папой?

— М-м, — кивнул малыш.

— Имя тоже папа придумал?

— М-м.

Возможно, дело в том, что они были так близко друг к другу, или в том, что кровная связь давала о себе знать — но Тан Мянью явно тянулся к Цзян Шулу.

Даже когда их провели в комнату отдыха, он упорно не хотел слезать с его рук.

Тем временем Яо Лисинь наконец получил свой телефон и, увидев Тан Юя, бросился к нему с объятиями.

По росту в группе выделялись только Цзян Шулу и Яо Лисинь, но из-за полудлинных волос последнего создавалось впечатление, что он ниже.

Тан Юй совершенно не ожидал такого — и внезапно оказался в крепких объятиях.

В «Ауэй» Цзян Шулу был старшим, Тан Юй — младшим, Яо Лисинь — вторым, а Люй Сичао — третьим.

И если Цзян Шулу казался скорее наставником, то Яо Лисинь — настоящим старшим братом.

Он любил шалить, часто нарушал распорядок Цзян Шулу и тайком уводил Тан Юя на приключения.

Если их ловили — Яо Лисинь первым признавал вину. А наказание обычно состояло в дополнительных тренировках, что для него не было наказанием вовсе.

Цзян Шулу стоял рядом, держа Тан Мянью, и смотрел, как Тан Юй сначала напрягся в объятиях Яо Лисиня, а потом всё же ответил на них.

Ему вдруг стало неприятно. Он даже не заметил, как нахмурился.

«Бу-бу! Как трогательно! Мои мёртвые шипперские чувства внезапно атакуют!»

«Как всё изменилось... Я ведь раньше думала, что они идеально подходят друг другу! А оказалось — оба гетеро! Злюсь!»

«Позвольте мне просто глотнуть ностальгии...»

«Ха-ха, Цзян Шулу стоит в сторонке такой одинокий!»

«Он сейчас с ребёнком на руках прямо как муж, заставший жену с любовником...»

«Тан Мянью, ты чего хлопаешь в ладоши?!»

— Почему ты хлопаешь? — спросил Цзян Шулу.

— Радуюсь! — ответил малыш. — Сяо Юй тоже рад!

Он действительно был без церемоний — называл собственного отца «Сяо Юй», как будто того звали так же, как и его.

Но он был настолько мил, что никто и не думал его за это ругать.

— А почему он тогда был недоволен? — продолжил Цзян Шулу.

— Не знаю, — честно признался Тан Мянью. — Но Сяо Юй очень любит обнимашки! Сейчас он точно счастливее всех на свете!

«Этому ребёнку пять лет, а он говорит чётче взрослого...»

«Посмотрела на своего пятилетнего племянника — и поняла, насколько жестока природа...»

«OMG, неужели это гений? Полностью соответствует тем драматичным романам, которые раньше читал Тан Юй!»

«Я что-то забыла... Тан Юй любил обниматься? Мне казалось, он был холодным...»

«Он обожал! (Только не с Цзян Шулу.) Посмотрите этот ролик — там целая подборка объятий!»

«Жестоко... Почему он не льнёт к Цзян Шулу? Это же странно!»

Чем больше Тан Мянью говорил, тем тяжелее становилось на душе у Цзян Шулу. Старое чувство — быть проигнорированным Тан Юем — вернулось с новой силой.

«Что у него ко мне вообще за претензии?» — подумал он.

Яо Лисинь всё ещё обнимал Тан Юя, при этом называя его «сынок», и каждый раз получал отказ.

Этот диалог начал раздражать Цзян Шулу.

— Надоело уже? — произнёс он.

Он стоял в двух метрах, по-прежнему держа Тан Мян. На лице — вежливая улыбка, но те, кто знал его хорошо, сразу поняли: он недоволен.

Яо Лисинь мгновенно насторожился — он слишком хорошо помнил, как за подобное в былые времена получал «дополнительные тренировки» от капитана.

А Тан Юй, услышав голос Цзян Шулу, рефлекторно опустил голову — будто его уже отчитали.

Фанаты в чате покатались со смеху, сожалея лишь, что Люй Сичао не смог приехать: он бы точно наслаждался этим зрелищем.

Яо Лисинь прокашлялся, стараясь выглядеть серьёзно:

— Эй, малыш! Ты сын Тан Юя? Как тебя зовут? Дай дяде потискать!

С его полудлинными волосами он выглядел немного экстравагантно, но фигура была явно мужской.

Для Тан Мян, никогда раньше не видевшего таких мужчин, это было в новинку. Он с интересом уставился на него, не испытывая страха, но слегка стесняясь:

— Я уже большой! Не надо меня тискать!

Но Яо Лисинь уже подхватил его на руки.

— Ого! — удивился он. — Ты легче моего племянника! Тан Юй, как ты вообще за ребёнком ухаживаешь?

— Папа со мной отлично обращается! — горячо возразил Тан Мян.

Он попытался вырваться, но безуспешно — Яо Лисинь унёс его знакомиться со своим племянником.

Остались только Цзян Шулу и Тан Юй — лицом к лицу.

В VIP-зале, в отличие от шума за окном, царила тишина.

Даже днём здесь горел свет. Над головой Тан Юя висела хрустальная люстра — её мягкий,

тёплый свет окутывал его полупрозрачной дымкой.

Казалось, в воздухе плавают пылинки, и Цзян Шулу отчётливо слышит, как время отсчитывает годы.

Тан Юй изменился... и в то же время остался прежним.

Оба молчали, и тишина становилась всё более неловкой.

Тан Юй нервно сжимал край футболки и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Капитан...

— Что ты стоишь там? — спросил Цзян Шулу.

Он даже не заметил, как его голос стал мягче — совсем не таким, как минуту назад, когда он разговаривал с Яо Лисинем.

Многие, пересматривая архивы «Ауэй», теперь ясно видели: нежность Цзян Шулу всегда была адресована одному человеку — Тан Юю. Его забота, его внимание, его тревога — всё это было написано на каждом кадре.

Тан Юй тихо «А?» произнёс, по-прежнему не поднимая глаз. Чёлка скрывала взгляд, а широкая толстовка делала его фигуру ещё тоньше.

Цзян Шулу показалось, что Тан Юй стал худее, чем раньше. Ведь в группе им так старательно удалось «откормить» его до здорового румянца...

Как же он дошёл до такого состояния?

Что значит «мамы нет»?

Она умерла? Или ушла?

Разве можно плохо обращаться с таким человеком? Как можно оставить его одного с ребёнком?

И всё же Тан Юй выглядел не на двадцать пять — а так же юношески, как в тот день, когда Цзян Шулу впервые увидел его в реанимации: чистый, растерянный, испуганный взгляд.

Этот взгляд тогда потряс Цзян Шулу до глубины души — и эхо этого потрясения звучало в нём годами. Только теперь, спустя столько времени, он наконец понял, что это было.

Но, возможно, уже слишком поздно.

— Я... — начал Тан Юй.

Он по-прежнему не решался смотреть на Цзян Шулу, хотя во сне не раз видел те моменты:

как тот протягивал ему руку, как завязывал шарф...

Эта атмосфера, которую он так любил, манила приблизиться.

Но другой голос внутри твёрдо напоминал:

«Нельзя».

Цзян Шулу принадлежит другому. Он уже совершил одну роковую ошибку — не может повторять её снова.

Тан Юй снова и снова внушал себе:

«У меня есть Сяо Мян. Этого достаточно. Я счастлив».

Это было жестокое самообманчивое утешение.

Но прежде чем он успел выдать хоть слово, Цзян Шулу уже шагнул вперёд и крепко обнял его.

Не так, как Яо Лисинь — с шумной радостью.

Объятия Цзян Шулу были твёрдыми, надёжными, дарили невероятное чувство безопасности.

От этого Тан Юй перестал дышать — и глаза его моментально наполнились слезами.

Любовь, о которой он мечтал в своём прежнем мире, так и не пришла. Вместо неё — горечь безответного чувства.

Он закрыл глаза, пытаясь отстраниться, но Цзян Шулу только сильнее прижал его к себе.

Тело Тан Юя осталось таким же хрупким, как и раньше, но Цзян Шулу повзрослел — стал сильнее, увереннее.

Его рука легла на затылок Тан Юя. В крупном плане были видны его длинные, изящные пальцы — настоящая модельная рука. Другой рукой он аккуратно удерживал левую ладонь Тан Юя, которая пыталась вырваться.

Руки Тан Юя были такими же изящными, как и его лицо — тонкие, длинные пальцы. Однажды в специальном выпуске шоу он даже примерил женскую одежду и сделал полный маникюр. Этот эпизод недавно всплыл в популярном видео «Самые эффектные образы в женском стиле среди мужских звёзд», вызвав волну ностальгии по «Ауэй».

Теперь же Цзян Шулу легко сдерживал его запястье. Годы сделали его сильнее — и теперь он мог полностью контролировать ситуацию. А его аромат, тот самый, от которого Тан Юй просыпался ночами с мокрой подушкой, снова окутывал его со всех сторон.

— Раз ты не идёшь ко мне, — тихо сказал Цзян Шулу, — придётся мне идти к тебе.

«Что за монтаж?! Мне даже неловко стало!»

«Это же прямой эфир! Как можно так шипперски монтировать кадры?! Спасите, я не успела на их расцвет!»

«Сильно подозреваю, что бывший модератор того самого форума, где шипперили Цзян Шулу и Тан Юя, теперь работает в “Чэнкун Медиа”...»

«Я новенькая — и уже в шоке от такого накала!»

«Почему объятия Яо Лисиня и Цзян Шулу так сильно отличаются?!»

«Тан Юй, хватит вырваться! Что плохого в том, чтобы обняться?.. Хотя твоя вторая рука уже обвила талию Цзян Шулу...»

«Бу-бу... Наш Сяо Юй всё такой же — слова одно, а сердце другое...»

<http://bllate.org/book/16057/1436222>